
И 125
1197

ЭНРИКО ФЕРРИ.

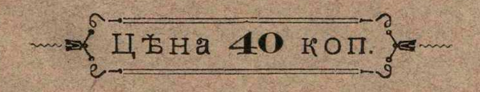
ПРЕСТУПЛЕНІЯ И ПРЕСТУПНИКИ

ВЪ НАУКѢ И ВЪ ЖИЗНИ.

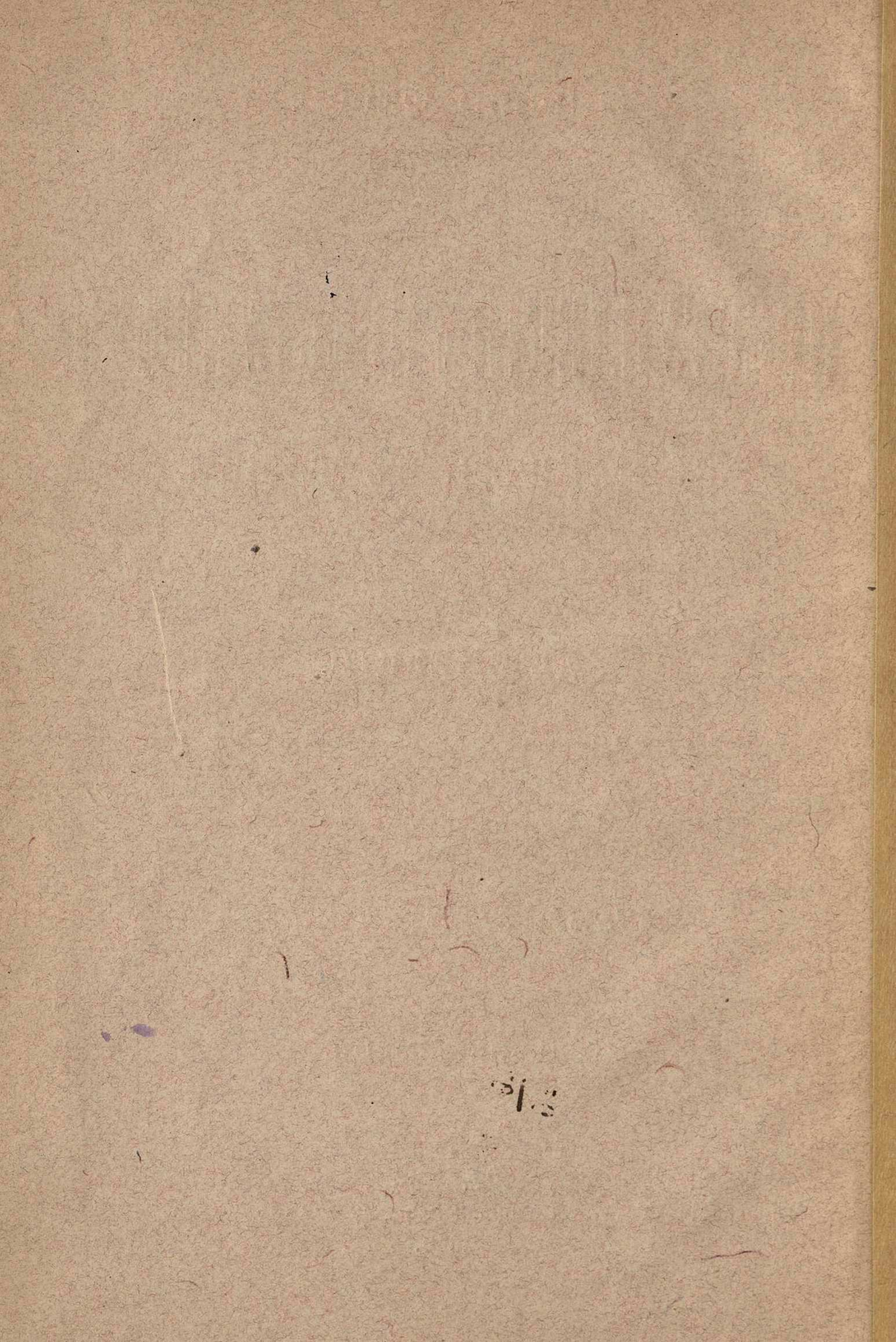
ДВѢ ЛЕКЦІИ.

(Переводъ съ итальянскаго).

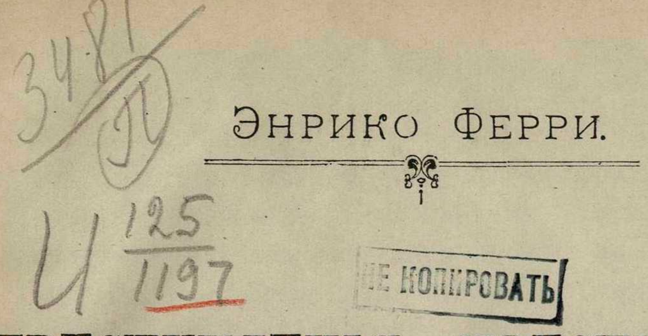
Изданіе Н. Лейненберга.

ОДЕССА.
Типографія «Трудъ», Соборная площадь, домъ Папудовой, № 1.
1890.

ЭНРИКО ФЕРРИ.

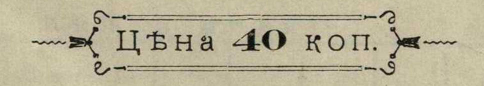
ПРЕСТУПЛЕНІЯ и ПРЕСТУПНИКИ

ВЪ НАУКѢ И ВЪ ЖИЗНИ.

ДВѢ ЛЕКЦІИ.

(Переводъ съ итальянскаго).

Изданіе Н. Лейненберга.

ОДЕССА.
Типографія «Трудъ», Соборная площадь, домъ Папудовой, № 1.
1890.

Дозволено цензурою. Одесса, 16-го Мая 1890 года.

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1946 г.
4						Э	41	

Зак. 7. Тир. 100 тс

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Среди шума городской жизни до меня донесся въ одно утро дружескій голосъ, прозвучавшій въ душѣ моей эхомъ тѣхъ незабвенныхъ дней, которыя я провелъ въ этомъ великомъ и дорогомъ для меня университетѣ. Я говорю о приглашеніи болоньскихъ студентовъ, пожелавшихъ, чтобы я въ общихъ чертахъ познакомилъ ихъ съ научнымъ движеніемъ, такъ сильно занимающимъ современную мысль. И такъ какъ душа наша обыкновенно очень чутка къ высказываемымъ намъ доказательствамъ дружбы и привязанности, то я, глубоко тронутый и благодарный, поспѣшилъ явиться.

Студенты, пригласившіе меня прочитать эти двѣ лекціи, не приходятся мнѣ товарищами по университету, въ которомъ мы лѣтъ десять тому назадъ вмѣстѣ учились подъ руководствомъ дорогихъ учителей, продолжавшихъ оставаться нашими друзьями и совѣтчиками и впослѣдствіи, въ практической жизни; но они принадлежатъ все таки къ рѣзвой и симпатичной толпѣ, олицетворяющей собою все, что есть прекраснаго въ жизни: юность мысли и души. Не будучи лично знакомъ съ пригласившими меня лицами, я тѣмъ не менѣе отъ души имъ благодаренъ, такъ какъ вижу въ нихъ представителей великой студенческой семьи, новаго поколѣнія, держащаго высоко знамя новыхъ идей.

Болоньскій университетъ—драгоцѣннѣйшій перлъ въ коронѣ итальянской цивилизаціи, и Италія всегда съ любовью останавливала на немъ свой очарованный взглядъ. Не даромъ онъ въ ученомъ мірѣ сохранилъ за собою имя болоньскаго атенея. — Передъ тѣмъ какъ приступить къ дѣлу, я долженъ выполнить одно очень лестное для меня порученіе: передать этому университету два привѣта, одинаково пріятныхъ моей душѣ и—смѣю надѣяться—обрадующихъ всѣхъ васъ, собравшихся здѣсь, учениковъ и учителей. Римскіе студенты поручили мнѣ передать болоньскимъ студентамъ ихъ братскій привѣтъ, который служитъ доказательствомъ того, насколько сильна солидарность итальянскихъ студентовъ въ ихъ научныхъ стремленіяхъ. Благородное выраженіе общаго чувства, въ которомъ, оставляя въ сторонѣ личныя мнѣнія, сказывается общая солидарность стремленія къ отысканію истины, безъ котораго немыслима истинно человѣческая душа. Другой привѣтъ шлетъ вамъ Піетро Эллеро, который, находясь теперь далеко отсюда, гдѣ онъ преподавалъ уголовное право, также сохранилъ объ этомъ университетѣ самое дорогое воспоминаніе и который, не читая болѣе лекцій съ этой кафедры, тѣмъ не менѣе продолжаетъ быть нашимъ учителемъ по глубинѣ чувства, душевной пылкости и той симпатіи, съ которою онъ слѣдитъ за разцвѣтомъ нашей молодежи и нашей науки.

«*Преступленія и преступники въ наукѣ и въ жизни*»—вотъ заглавіе, которое я далъ этимъ своимъ лекціямъ, и уже само заглавіе, подобно зародышу, обозначаетъ будущее существо, т. е. сущность, стремленія и цѣль научнаго движенія, носящаго названіе итальянской позитивной школы уголовнаго права. Движеніе это всецѣло опредѣляется той идеей, что юриста должно интересовать не одно лишь пре-

ступленіе, какъ законченный юридическій феноменъ, а что онъ долженъ также изучать самого преступника, совершившаго это преступленіе, изучать его психо-физіологическую организацію и окружающую его среду. «Преступленія и преступники», говоримъ мы, ибо современное позитивное направленіе имѣетъ цѣлью уничтожить обособленность, сказывавшуюся до сихъ поръ въ абстрактномъ изученіи преступленія, и пополнить пробѣлъ реальностью повседневной жизни, все болѣе и болѣе приковывающей къ себѣ вниманіе учащихся и публики.

Когда совершается какое нибудь легкое или тяжкое преступленіе, вы можете замѣтить, какъ въ общественномъ мнѣніи обрисовываются слѣдующія два теченія. Если, напримѣръ, дѣло идетъ объ убійствѣ, то, по прошествіи первыхъ моментовъ потрясенія и волненія, обыкновенно случается, что съ одной стороны извѣстное направленіе мысли устанавливаетъ или старается распознать юридическія особенности случившагося факта: есть ли это убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, какими жестокостями оно сопровождалось; или же если дѣло идетъ о покушеніи на собственность, то было ли это воровство, незаконное присвоеніе чужого добра или что нибудь другое? Но наряду съ этимъ, такъ сказать, техническимъ направленіемъ мысли людей, изучающихъ науку о преступленіяхъ, замѣчается еще другое теченіе чувствъ и идей, волнующихъ публику и судей; это—вопросъ о томъ, по какимъ побужденіямъ, при какихъ условіяхъ настроенія души и организма и при какихъ осложненіяхъ окружающей среды этотъ индивидуумъ совершилъ данное преступленіе при данныхъ обстоятельствахъ? Гораздо болѣе чѣмъ техническая сторона публику занимаютъ именно эти обстоятельства; то есть она желаетъ знать, совершилъ ли обвиняемый данное преступленіе при

полномъ сознаніи, будучи вполнѣ *compos sui*, вполнѣ владѣя своими умственными силами, или же онъ дѣйствовалъ въ порывѣ бурнаго увлеченія какою нибудь страстью или въ припадкѣ умопомѣшательства? И когда вы, едва покинувъ университетъ, начнете посѣщать суды, то вы тотчасъ же убѣдитесь, что всѣ представленія, которыя вы составили себѣ на школьной скамьѣ о юридическихъ свойствахъ преступленія, стушевываются, уходятъ на задній планъ при столкновеніи съ живымъ человѣкомъ, котораго вамъ приходится судить или предавать суду. Юридическіе вопросы очень рѣдко обсуждаются, такъ какъ прежде всего необходимо разрѣшить трудную задачу о нравственной отвѣтственности индивидуума, вслѣдствіе чего всѣ юридическія идеи остаются въ полутѣни. Разрѣшеніе этой главной и важнѣйшей задачи требуетъ совсѣмъ другого ряда понятій и изслѣдованій для объясненія (я не говорю оправданія) происхожденія извѣстнаго преступнаго факта, совершеннаго извѣстнымъ индивидуумомъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Въ настоящее время эти два направленія, эти два теченія, наблюдаемыя въ реальномъ мірѣ, гдѣ преступленія — увы! — повторяются изо дня въ день, находятъ также свое представительство въ лицѣ двухъ различныхъ научныхъ школъ. Отъ Беккарія до Каррары и нынѣшнихъ представителей классическая школа достигла самаго широкаго и поразительнаго развитія; между тѣмъ какъ прошло лишь нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ возникло и быстро стало развиваться другое направленіе, которое, прежде чѣмъ изслѣдовать преступленіе, какъ юридическое явленіе, желаетъ изслѣдовать его, какъ естественное явленіе общественной патологіи, что даетъ намъ возможность объяснить, почему этотъ человѣкъ убилъ, въ то время какъ преобладающее

большинство окружающихъ его людей не убивали; почему онъ укралъ, въ то время какъ другіе не крали. Такимъ образомъ, вы видите, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о научномъ движеніи, имѣющемъ уже извѣстные корни въ томъ же общественномъ мнѣніи и сознаніи. Ибо было бы крайней близорукостью—полагать, что научное движеніе можетъ зависѣть отъ личной доброй воли того или другого новатора; въ природѣ новшество существуетъ лишь въ качествѣ точно установленной и ясно выраженной формулы предшествовавшаго развитія и естественнаго видоизмѣненія,— точно также въ наукѣ и въ жизни нѣтъ такой новой вещи, которая была бы созданіемъ *ex nihilo*: она неизбѣжно должна быть продуктомъ предшествовавшаго развитія. Если наша школа уголовнаго права возникла и овладѣла современнымъ научнымъ и практическимъ міромъ, то это случилось лишь благодаря тому, что отстаиваемыя ею идеи, такъ сказать, витали въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, ибо каждый изъ насъ не можетъ не видѣть и не чувствовать, что недостаточно ознакомиться съ технической, юридической стороной преступленія, а что необходимо также узнать самые затаенные ходы его естественнаго происхожденія, необходимо ознакомиться съ причинами, исторической эпохой и реальными и личными условіями, давшими толчокъ къ преступленію. Уже изъ сказаннаго вы можете усвоить себѣ то основное понятіе, что позитивная школа уголовнаго права не есть, какъ легкомысленно упрекали насъ въ разныхъ полемическихъ статьяхъ, школа, желающая подставить ножку предыдущей классической школѣ; и ужъ совершенно невѣрно, будто она желаетъ окончательно уничтожить послѣднюю. Позитивная школа, признавая законы естественнаго развитія, поступила бы безразсудно, если бы въ практической жизни отвергла все то, что служитъ исто-

рическимъ продуктомъ мыслительной и жизненной дѣятельности. По выраженію Лейбница, настоящее есть дитя прошедшаго и родитель будущаго, и мы можемъ къ этому прибавить, что прошедшее не можетъ наложить своей власти на настоящее въ иллюзіи воспротивиться будущему.

Позитивная школа придерживается этого скромнаго образа мыслей. Въ предшествовавшемъ намъ вѣкѣ, доставившемъ итальянскому генію столько славы, столько лавровъ, мы наблюдаемъ грандіозное развитіе извѣстнаго направленія научныхъ изслѣдованій. Но такъ какъ каждая эпоха имѣетъ свое назначеніе, а наши предшественники естественно не въ состояніи были выполнить вторую половину задачи, т. е. изслѣдовать естественную и соціологическую сторону преступленія, то, предположивъ, что та, первая половина юридической задачи уже рѣшена, намъ по необходимости приходится заняться этой новой вѣтвью, которая привилась къ пышному дереву науки о преступленіяхъ. И если, какъ это постоянно случается въ жизни, съ этого дерева даже спадетъ какая нибудь вѣточка, изсушенная метафизическими доктринами, то это отнюдь не лишитъ его способности жить и процвѣтать, пышно распускаясь подъ вліяніемъ благодѣтельнаго ухода, т. е. подъ вліяніемъ плодотворныхъ изслѣдованій позитивной школы.

Къ концу прошлаго столѣтія, еще до великаго революціоннаго движенія, бывшаго лишь выраженіемъ прогрессивнаго развитія морали, политики и экономики, въ массахъ наблюдается необычайный вихрь новаторскихъ стремленій. Въ области нашей науки мы къ концу XVIII вѣка, до французской революціи, можемъ отмѣтить возникновеніе трехъ великихъ теченій, получившихъ въ нашемъ столѣтіи грандіозное развитіе. Беккарій своей маленькой, но поразительной книжкой вдохнулъ новую душу и человѣческое

чувство въ старое юридическое зданіе средневѣковыхъ силлогизмовъ, ожививъ знаменитую школу, носящую имя итальянской школы уголовнаго права. Это въ теоретической области изученія преступленій. Почти одновременно съ нимъ, въ практической области наказанія, англичанинъ Гавартъ выступилъ иниціаторомъ тюремной реформы, взволновавъ общественное мнѣніе Европы и Америки однимъ описаніемъ матеріальныхъ и нравственныхъ ужасовъ, видѣнныхъ имъ въ европейскихъ тюрьмахъ, и давъ толчокъ къ возникновенію новой школы, пенитенціарной, близкой уже къ достиженію своей цѣли практическимъ введеніемъ и примѣненіемъ новыхъ тюремныхъ системъ. Подобно тому, какъ движеніе, начатое Беккаріемъ, было реакціей противъ эмпиризма средневѣковой юриспруденціи, такъ и движеніе, начатое Говартомъ въ практической области, также было реакціей противъ изувѣрства средневѣковыхъ тюремныхъ системъ, къ которому присоединялся еще печальный рядъ тѣлесныхъ наказаній, которыя классическая школа стремилась вычеркнуть изъ уголовнаго законодательства, пока современной отмѣной смертной казни не достигла послѣдней практической цѣли своей пропаганды, направленной противъ средневѣковыхъ системъ.

Въ ту же эпоху, одновременно съ сказаннымъ направленіемъ, началась другая великая реформа въ обращеніи съ умалишенными. *Пинель* во Франціи и *Тюкъ* въ Англіи, но еще раньше ихъ *Кіаруджи* въ Тосканѣ и *Вальсальва* въ старинной больницѣ Болоньи выступили иниціаторами гуманитарныхъ реформъ въ дѣлѣ лѣченія помѣшанныхъ. Въ то время какъ съ послѣдними раньше принято было обращаться крайне жестоко, они впослѣдствіи стали предметомъ заботливаго и человѣческаго обращенія, какъ люди, которыхъ постигло величайшее изъ человѣческихъ несчастій.

Имъ даровали относительную свободу движеній. Это новое направленіе въ чисто технической области обращенія съ помѣшанными также служитъ лишь симптомомъ общаго стремленія къ реформамъ и въ гораздо большей степени, чѣмъ это можетъ казаться, относится къ серіи тѣхъ идей, которыя въ другой области Беккарій и Говартъ подвинули такъ далеко впередъ.

Но всякая научная школа подобна организму, имѣющему свою молодость, періодъ полнаго развитія и эпоху упадка; быть можетъ оно и печально, что приходится пройти этотъ жизненный циклъ, а между тѣмъ это неизбѣжно. Историкъ—лишь безпристрастный регистраторъ фактовъ, а, если быть безпристрастнымъ, приходится сознаться, что у классической уголовной школы изсякла золотая жила, на которую впервые натолкнулся Беккарій; когда же наука не въ состояніи сказать ничего новаго, когда она не можетъ болѣе отмѣчать ежедневно новыхъ битвъ и новыхъ побѣдъ,—она либо мертва, либо доживаетъ послѣдніе дни.

Въ настоящее время нельзя отрицать, что послѣ Каррары и современныхъ ему знаменитыхъ представителей классической школы, вотъ уже 20 лѣтъ какъ въ этомъ отношеніи ни одна новая и основная идея не всплыла на горизонтѣ науки о преступленіяхъ и наказаніяхъ. И лишь теперь, 20 или 30 лѣтъ послѣ установленія превосходной и замѣчательной программы Каррары, новый уголовный кодексъ даетъ законодательную санкцію этому выраженію юридическихъ доктринъ. Законодательство всегда отстаетъ и должно отставать отъ науки по крайней мѣрѣ на одно поколѣніе, ибо оно представляетъ собою санкцію общественнаго сознанія. Наука подобна піонеру, шествующему всегда впереди въ дѣлѣ борьбы съ невѣдомымъ и освобождающему путь отъ главныхъ препятствій; и только тогда, когда ей

удается найти нить истины, она можетъ овладѣть общественнымъ сознаніемъ, которое накладываетъ уже печать законной санкціи на идеи, казавшіяся двадцать лѣтъ назадъ утопіями. Мы, представители позитивной школы, и не думали поэтому протестовать, когда новый уголовный кодексъ былъ составленъ и формулированъ согласно съ ученіемъ классической уголовной школы. Ибо, подобно тому какъ въ наукѣ нельзя начать новаго движенія, пока не истощилась программа предшествующей школы, такъ и теперь въ уголовномъ законодательствѣ нельзя еще приступить къ новымъ реформамъ, пока во всей цѣлости не будутъ формулированы традиціонныя доктрины. Лишь послѣ того какъ всесокрушающая сила времени и практики докажетъ несостоятельность новаго кодекса, — новая искра освѣтитъ ветхое зданіе и покажетъ общественному сознанію, какъ настоятельно необходимы реформы, предлагаемыя нашей позитивной школой.

Естественный ходъ вещей и идей повинуется своимъ законамъ и не измѣняется вслѣдствіе нетерпѣнія того или другого лица. Поэтому мы, указавъ на соціальныя опасности и научныя противорѣчія извѣстныхъ законодательныхъ формулъ, все таки предоставили вещи и идеи ихъ естественному теченію. Если втеченіе этого времени идеи позитивной школы окажутся ложными, то онѣ умрутъ; если же онѣ окажутся жизненными, то одержатъ мирную побѣду и тогда, получивъ санкцію закона, станутъ новымъ кодексомъ для новыхъ поколѣній. Мы не видимъ причины, почему, если итальянская классическая школа употребила болѣе столѣтія для достиженія своего совершеннаго законодательнаго выраженія,— позитивная школа должна совершить такое замѣчательное чудо: сразу овладѣть и наукой и законами. Единственное, что мы теперь уже можемъ пред-

видѣть,— это то, что предложенія позитивной школы, именно благодаря своей позитивности, потребуютъ менѣе времени для своего осуществленія, ибо ихъ поддерживаютъ также не подлежащія сомнѣнію доказательства классическаго ученія въ связи съ жизненной дѣйствительностью.

Чтобы однако не смѣшать обязанностей съ методами, останемся на почвѣ науки и будетъ подготовлять нашу реформу, опираясь на новыя научныя изслѣдованія, которыми мы обязаны широкому и плодотворному развитію современной мысли. Въ области преступленій и наказаній позитивная школа не представляетъ абсолютной новизны; она скорѣе есть лишь различная форма, новое примѣненіе того общаго обновленія мысли, которое въ столь разнообразныхъ и живыхъ формахъ проявилось въ XIX столѣтіи. Экспериментальный методъ съ каждымъ днемъ расширяетъ область своего примѣненія во всѣхъ вѣтвяхъ человѣческаго знанія; а позитивная школа есть ничто иное, какъ именно примѣненіе экспериментальнаго метода къ изученію преступныхъ явленій, и въ этомъ отношеніи лишь примыкаетъ къ другимъ новѣйшимъ примѣненіямъ экспериментальнаго метода къ изученію другихъ общественныхъ явленій.

Подобное же движеніе мы наблюдаемъ и въ области искусства. Здѣсь мы также видимъ примѣненіе экспериментальнаго метода наблюденія, который, какъ и всякое нововведеніе, можетъ имѣть свои патологическія преувеличенія, но который тѣмъ не менѣе имѣетъ своимъ основаніемъ истину Его цѣль—замѣнить условный и воображаемый типъ болѣе или менѣе капризной, плодотворной или величественной фантазіи художника изученіемъ и изображеніемъ настоящей и реальной жизни, съ которою мы ежедневно и ежечасно сталкиваемся и которая полна страданій и радостей, смѣшного и возвышеннаго. И вотъ искусство вступаетъ на новый

путь, чувствуя силу этого направленія современной мысли, требующей изученія реальной дѣйствительности, какъ главной потребности современнаго сознанія.

Въ области науки вы имѣете предъ собою другой примѣръ, доказывающій, что эти примѣненія не иное что, какъ результатъ указанныхъ общихъ причинъ. Взгляните на медицину... и простите мою смѣлость, если я позволю себѣ произнести свое сужденіе о научной отрасли, имѣющей такихъ знаменитыхъ и прославленныхъ представителей. Въ медицинѣ въ началѣ нашего столѣтія замѣтно было движеніе, аналогичное тому, которое мы теперь начинаемъ. Старая медицина еще 30 или 50 лѣтъ тому назадъ занималась въ гораздо большей степени болѣзнью, чѣмъ больнымъ, и болѣзнь изучалась ею, какъ нозологическое цѣлое, почти совершенно оторванное отъ живого и реальнаго міра, въ которомъ оно пускаетъ свои корни. Лишь введеніе экспериментальнаго метода въ современную клинику повело за собою установленіе того правила, что необходимо раньше лѣчить больныхъ, чѣмъ болѣзни. Одинъ великій обновитель современной клиники выразился: въ мірѣ нѣтъ плевритовъ, а имѣются больные плевритомъ; и современной терапіи принадлежитъ славная заслуга примѣненія этого метода, по которому болѣзнь изучается въ заболѣвшемъ человѣкѣ при помощи всѣхъ средствъ и способовъ, могущихъ доставить вѣроятность побѣды въ борьбѣ со зломъ, побѣды, составляющей цѣль практической медицины.

Какъ видите, это научное движеніе вполнѣ аналогично движенію криминальной науки, такъ какъ классическая школа, ведущая начало отъ Беккарія, изучаетъ преступленіе, а не преступника, изучаетъ проступокъ, какъ юридическую сущность и оставляетъ на заднемъ планѣ

преступника; я не говорю, что она совершенно забываетъ о немъ, но она именно оставляетъ его на заднемъ планѣ.

Позитивная школа разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: Дѣйствительно, необходимо изучить преступленіе само по себѣ, какъ юридическую сущность, но раньше этого необходимо изучить убійцу, вора и т. д., чтобы ознакомиться съ причинами, побудившими его совершить данный поступокъ, который мы позднѣе разберемъ съ юридической стороны. И, подобно тому какъ современная медицина не признаетъ совершенно безполезными изслѣдованія предшествовавшихъ временъ, позитивная школа также не объявляетъ безполезными всѣхъ изслѣдованій, сдѣланныхъ о преступленіяхъ, какъ юридическихъ сущностяхъ; она лишь утверждаетъ, что этими изслѣдованіями слѣдуетъ пользоваться, какъ дополненіемъ къ изученію естественнаго происхожденія преступленія.

Къ чему же сводится практическая цѣль нашего ученія? Для сравненія намъ опять приходится прибѣгнуть къ экспериментальной медицинѣ. Послѣдняя придерживается того абсолютнаго правила, что для лѣченія заболѣвшаго человѣка необходимо ознакомиться съ его патологическимъ состояніемъ, главнымъ же образомъ съ тѣми причинами, которыя могли вызвать въ немъ это состояніе, такъ что, смотря по различію причинъ, можетъ оказаться, что одна и та же болѣзнь требуетъ различнаго лѣченія, если совершенно различны индивидуальныя условія и условія окружающей среды. Точно также въ области преступленій и наказаній поступаетъ позитивная школа. Она говоритъ: я хочу изучить естественныя причины преступности въ индивидуумѣ и въ окружающей его средѣ, чтобы затѣмъ найти средства, какъ бороться съ нею.

Такимъ образомъ, первая наша обязанность заключается въ ознакомленіи съ причинами самой преступности, если только честное общество не желаетъ остаться побѣжденнымъ въ этой борьбѣ противъ преступленія за право, чего не должно было бы случиться, такъ какъ общество добродѣтельныхъ людей имѣетъ предъ толпою злодѣевъ то великое превосходство, которое изображаетъ собою все, что въ жизни имѣется жизненнаго. Такъ вотъ, если общество честныхъ желаетъ выдти побѣдителемъ изъ этой борьбы, не рискуя прослыть слишкомъ строгимъ, несправедливымъ и непримиримымъ, а также и не слишкомъ слабымъ и мягкимъ, то оно должно стремиться прежде всего къ распознанію причинъ, нарушающихъ общественный строй, ибо только тогда оно пріобрѣтетъ количественный и качественный позитивный критерій для установленія надежныхъ лекарствъ отъ той дѣйствительной болѣзни общества, которая называется преступностью.

Въ области науки я могу вамъ указать еще на одинъ примѣръ, доказывающій, насколько это примѣненіе экспериментальнаго метода или метода наблюденія служитъ общимъ и неизбѣжнымъ явленіемъ для всякаго, кто желаетъ поспѣть за прогрессивной волной современной мысли. Примѣръ этотъ касается современной политической экономіи. Въ то время какъ классическая политическая экономія, ведущая начало отъ Адама Смита, изучала экономическое явленіе само по себѣ, абстрактно, согласно съ абсолютными законами производства, потребленія и проч., каковы бы тамъ ни были условія окружающей среды, народонаселенія и т. д.,—современная экономическая наука требуетъ изученія экономическихъ явленій при условіяхъ данной среды и даннаго историческаго момента, а потому устанавливаетъ не абсолютные и вѣчные, а экономически - историческіе

законы, имѣющіе значеніе лишь для извѣстнаго періода, для извѣстнаго населенія, такъ какъ, съ измѣненіемъ причинъ, измѣняется и явленіе въ своихъ послѣдствіяхъ, слѣдовательно должны измѣниться и лекарства.

Итакъ, позитивная школа лишь повинуется сказанному общему теченію современной мысли и всецѣло придерживается сказаннаго основнаго воззрѣнія, которое составляетъ ея душу и которое, между прочимъ сказать, наиболѣе всего избѣгается критиками новой школы, испытывающими значеніе новаго ученія однимъ противупоставленіемъ ему традиціонной науки. Въ мірѣ идей также наблюдается борьба за существованіе, и эта борьба постоянно существуетъ между традиціей и новаторствомъ. Мы признаемъ всю пользу и необходимость критики и относимся съ отвращеніемъ къ догматизму, смотрѣвшему на нее, какъ на личное оскорбленіе. Утверждающій и отрицающій одинаково стремятся къ одной цѣли—къ отысканію истины, главнаго жизненнаго блага. Я сказалъ уже, что стремленіе позитивной школы сводится къ изученію преступленія сначала какъ естественнаго, а потомъ уже какъ юридическаго явленія. Нѣкоторые противники не вполнѣ еще развившейся новой школы находятъ для себя удобнымъ убѣждать публику, будто одну изъ отличительныхъ особенностей позитивной школы составляетъ игнорированіе всякаго юридическаго изслѣдованія въ преступномъ явленіи; мы-де занимаемся одной лишь патологіей, психіатріей или статистикой. Какъ видите, это одна выдумка, такъ какъ мы добиваемся лишь того, чтобы прежде чѣмъ изучить, напримѣръ, убійцу съ юридической точки зрѣнія, его изучили съ точки зрѣнія естественной и соціальной, и лишь когда точно будетъ установленъ генезисъ преступленія,—занялись его юридической стороной.

Такимъ образомъ, новая школа представляетъ собою не болѣе какъ простое примѣненіе новаго научнаго метода къ изученію преступленій и наказаній, что именно и придаетъ ей характеръ скорѣе соціальной науки, чѣмъ юридической въ техническомъ смыслѣ этого слова.

Юридическая наука въ техническомъ смыслѣ, какъ гражданское право, изучаетъ юридическія отношенія in se, игнорируя, за исключеніемъ немногихъ наиболѣе очевидныхъ ненормальныхъ случаевъ, личныя условія тѣхъ, которые установили данное юридическое отношеніе; такимъ образомъ, контрактъ всегда сохраняетъ свою силу, каковъ бы ни былъ заключившій его человѣкъ, исключая, говорю я, извѣстные рѣдкіе случаи очевидной ненормальности.

Уголовное право до сихъ поръ поступало точно также; пора, однако, чтобы дѣло измѣнилось, ибо уголовное право совершенно отлично отъ гражданскаго.

Впрочемъ, и въ гражданскомъ правѣ теперь замѣчается новое направленіе, стремящееся придать большую живость связи и отношенію между юриспруденціей и дѣйствительностью общественной жизни. Но болѣе всего, конечно, характеръ соціальной науки свойственъ уголовному праву, такъ какъ преступныя явленія различнымъ, а иногда и противоположнымъ образомъ проявляются въ различныхъ странахъ и въ различные историческіе моменты.

Слѣдовательно, позитивная школа, не говоря о частныхъ выводахъ, къ которымъ она можетъ придти и которые могутъ быть не вполнѣ вѣрными или не вполнѣ точными,—содержитъ въ себѣ тотъ духъ истины, который заключается въ научномъ изученіи преступленія, какъ естественнаго и соціальнаго явленія. Такова практическая цѣль уголовной позитивной школы, которая естественно должна внести новый рядъ фактовъ въ научную, юридическую и

уголовную область, факты, выводы изъ которыхъ отчасти согласуются, отчасти не согласуются съ теоріями классической школы.

Это, впрочемъ, составитъ предметъ моей второй лекціи, въ которой я постараюсь разобрать съ юридической и позитивной точки зрѣнія вопросъ объ отвѣтственности. Сегодня же имѣлъ въ виду показать вамъ, что наша новая школа лишь примкнула къ общему движенію современной мысли и убѣдить васъ, что, оставляя въ сторонѣ отдѣльные выводы въ той или другой области антропологіи или уголовной статистики, главная и наиболѣе существенная черта новой школы заключается въ примѣненіи опытнаго метода къ наукѣ о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

Хотя эта вещь на первый взглядъ можетъ показаться абсолютной новинкой или, пожалуй, даже цѣлой революціей, но въ сущности ею исполнилось лишь предписаніе Цицерона: *a natura hominis discenda est natura juris*. Природа человѣка должна служить намъ источникомъ изученія природы права. И мы не будемъ въ состояніи формулировать ни одного справедливаго и человѣчнаго предписанія относительно преступленія, пока не изучимъ раньше человѣка, совершившаго это преступленіе, пока не проанализируемъ этого живаго и трепещущаго сфинкса всѣми средствами, доставляемыми намъ современной наукой. Лишь исполняя это требованіе, мы пріобрѣтемъ методъ позитивнаго изслѣдованія, который будетъ служить законодателю путеводителемъ и критеріемъ въ дѣлѣ регулированія отношеній между добродѣтельными и честными людьми и людьми, ежедневно нарушающими право другихъ.

А теперь, чтобы закончить, мнѣ остается попросить у васъ извиненія, если, изъ любви къ предмету, я въ нѣсколь-

жихъ краткихъ чертахъ обрисую вамъ возникновеніе и исторію позитивной школы.

Въ настоящее время однимъ изъ наиболѣе убѣдительныхъ доказательствъ вѣрности извѣстнаго ряда идей служитъ быстрота и интенсивность, съ которою эти идеи завладѣваютъ ученымъ міромъ; если же къ тому какое нибудь ученіе еще быстро пробиваетъ себѣ путь за предѣлы своей родины, гдѣ оно возникло, то это доказываетъ, что оно отвѣчаетъ требованіямъ дѣйствительности и не замедлитъ пріобрѣсти право полнаго гражданства въ области науки. Уголовная позитивная школа, я не скажу—въ своихъ всѣмъ извѣстныхъ главныхъ принципахъ, но въ цѣломъ рядѣ другихъ явленій постоянно проявляла эту возрастающую экспансивную жизненность. Уже одно огромное множество критическихъ статей, появившихся во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, служитъ доказательствомъ силы нашей школы, ибо всякое новое ученіе всегда проходитъ слѣдующія стадіи: вначалѣ къ нему относятся съ презрѣніемъ за то, что оно осмѣливается выступить противъ абсолютнаго владычества традиціонныхъ идей; затѣмъ оно проникаетъ въ сознаніе публики и иронически принимается тѣми, которые еще не ознакомились съ нимъ и считаютъ его плодомъ больного мозга. Если это ученіе — утопія, то оно скоро умираетъ, такъ какъ природа не чувствуетъ жалости къ созданіямъ, неспособнымъ жить; если же оно благополучно проходитъ эту стадію и входитъ въ третій періодъ, при лихорадочной агитаціи своихъ послѣдователей, то оно пріобрѣтаетъ преимущество предъ традиціей и господствующими теоріями. Критика берется за свою работу, и тогда-то рѣшается борьба за существованіе между старой и новой школами, въ результатѣ которой получается счастливое соглашеніе между обѣими борющимися сторо-

нами. Ибо въ жизни, какъ и въ наукѣ, не существуетъ скачковъ, не существуетъ творчества ex nihilo, а существуетъ лишь безпрерывный прогрессъ, скрѣпляющій обязанность—въ настоящемъ уважать прошедшее, а прошедшаго не ставить въ помѣху будущему.

Позитивная школа обратила на себя вниманіе всего современнаго ученаго міра. Это доказываютъ не только многочисленныя полемическія и критическія статьи, написанныя про нее съ юридической и экспериментальной точекъ зрѣнія, а также и нѣкоторые другіе факты, изъ которыхъ видно, что и офиціальный академическій міръ не могъ противустоять этому новому теченію, несущему съ собою атмосферу, полную кислорода жизни.

Въ различныхъ пунктахъ Европы академіи назначили въ прошломъ году три преміи за сочиненія о теоріяхъ новой позитивной уголовной школы. Академія наукъ въ Парижѣ и медико-психологическое общество въ томъ же городѣ назначили тему: «о существованіи и способахъ опредѣленія анатомическихъ и психологическихъ особенностей у преступниковъ». А юридическій факультетъ въ Гейдельбергѣ назначилъ въ октябрѣ 1888 года премію за лучшее сочиненіе «объ отношеніяхъ и примѣненіяхъ теорій новой итальянской уголовной школы къ уголовному закону».—Развѣ же подобные факты не говорятъ о томъ, что наша молодая школа дѣйствительно заключаетъ въ себѣ нѣчто жизненное?

Еще одно доказательство практической важности новаго ученія мы видимъ въ предложеніи, сдѣланномъ недавно тремя выдающимися представителями уголовной науки. Профессора: *Листъ* въ Марбургѣ, *Прэнсъ* въ Брюсселѣ и *Ванъ-Гамель* въ Амстердамѣ, къ которымъ примкнула цѣлая фаланга ученыхъ сотрудниковъ, предложили организовать такъ называемый «международный союзъ уголовнаго права»,

съ уставомъ, изъ котораго мнѣ достаточно будетъ привести первые два параграфа, чтобы доказать вамъ, насколько цѣли новаго союза приближаются къ ученію нашей новой школы.

Международный союзъ, который соберется въ Брюсселѣ въ августѣ будущаго года, а затѣмъ въ Парижѣ на второмъ международномъ конгрессѣ уголовной антропологіи, имѣетъ въ основаніи слѣдующія цѣли: 1) цѣль уголовнаго права—борьба съ преступностью, разсматриваемой, какъ общественное явленіе; 2) въ виду этого уголовная наука и уголовные законы должны считаться съ антропологическими и соціологическими изслѣдованіями о преступленіяхъ и преступникахъ.

Вы легко поймете, какъ утѣшительно должно быть для насъ это движеніе, возникшее внѣ родины нашего ученія, такъ какъ тѣ же именно цѣли преслѣдуются и всегда преслѣдовались уголовной позитивной школой.

Наконецъ и двери парламентовъ, замкнутыхъ для научныхъ изслѣдованій, растворились отъ напора новаго движенія и впустили въ затхлыя залы жизненную струю свѣжаго воздуха. Такъ, напримѣръ, въ Италіи *Молешотъ*—въ сенатѣ и *Де-Рензисъ*—въ палатѣ депутатовъ, въ Испаніи *Сильвела*, въ Лиссабонѣ *Сенна* и *Д'Азеведо*, въ Парижѣ сенаторъ *Теофиль Руссель* и депутатъ *Де-Мортилье* выступили страстными защитниками идей позитивной школы.

Изъ всѣхъ доказательствъ, о которыхъ я въ другомъ мѣстѣ [1]) говорю гораздо подробнѣе, эти, здѣсь мною упомянутыя, лучше всего свидѣтельствуютъ, какъ бойко и

---

[1]) *La sociologia criminale*, 3-е изданіе сочиненія *Nuovi orizzonti*. Bologna 1889.

бодро новое научное теченіе распространяется на всѣ проявленія мысли и современной жизни, какъ мило и привѣтливо вмѣстѣ съ тѣмъ ему улыбается будущее. Наша школа дорожитъ сознаніемъ, что ея дѣло, насколько бы оно ни являлось разрушительнымъ для дилеммъ и силлогизмовъ традиціи, заключается въ возвышенной и благородной функціи—отыскиваніи новыхъ истинъ и новой практической общественной пользы.

Ко всѣмъ упомянутымъ практическимъ выраженіямъ торжества позитивной школы теперь прибавился еще одинъ фактъ, который уже самъ по себѣ въ состояніи вознаградить насъ, ея послѣдователей, за суровую борьбу, въ которой намъ безпрерывно приходится пребывать ради нашего ученія. Фактъ этотъ заключается въ томъ, что студенчество одного изъ наиболѣе выдающихся итальянскихъ университетовъ, столь чуткое ко всему истинному, приглашаетъ одного изъ представителей позитивной школы разъяснить ему, что собственно представляетъ собою эта новая школа, о которой такъ много и не всегда вѣрно говорится. Это фактъ, до такой степени возвышенный по своему нравственному и интеллектуальному значенію, что, если бы даже академіи и парламенты не одобрили новыхъ идей, онъ одинъ въ состояніи былъ бы придать намъ силъ для отстаиванія этихъ идей честнымъ оружіемъ. Ибо въ наукѣ, какъ и въ жизни, должно существовать одно лишь знамя: честность въ идеяхъ и чувствахъ. Всѣ должны знать, что монополіи на истину не существуетъ, а потому пусть каждый подниметъ свое знамя и борется за свои идеи открыто, безъ гермафродитизма, безплоднаго въ наукѣ и въ жизни. Время, этотъ верховный властелинъ, господствующій надъ всѣми нами, дастъ впослѣдствіи свое безапелляціонное рѣшеніе.

А теперь, заканчивая свою сегодняшнюю лекцію, я желалъ бы попросить у васъ извиненія, если въ порывѣ увлеченія своими идеями, я быть можетъ мѣстами непріятно поражалъ ваши чувства и ваши мысли. Я повторю вамъ въ свое оправданіе то, что сказалъ уже разъ, привѣтствуя римскихъ студентовъ: «по моему мнѣнію, обычная поговорка «кто любитъ—боится» должна въ наукѣ быть замѣнена другою—«кто любитъ—борется».

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Указавъ вчера на историческія и научныя основы позитивной школы уголовнаго права и установивъ тотъ главный пунктъ, что она представляетъ собою прежде всего введеніе новаго метода въ дѣло изученія преступленій и наказаній, метода, заключающагося въ примѣненіи позитивнаго наблюденія къ изслѣдованію общественной патологіи,— я долженъ сегодня въ болѣе пространныхъ чертахъ, чѣмъ вчера, изложить вамъ сущность главныхъ элементовъ, доставленныхъ наукѣ позитивной школой за эти послѣдніе годы, а также остановиться на послѣдствіяхъ и юридически-соціальныхъ выводахъ, вытекающихъ изъ этихъ элементовъ. Слѣдовательно, задача, которую я долженъ рѣшить сегодня, гораздо труднѣе вчерашней, ибо матерьялъ, которымъ мнѣ приходится пользоваться, до того обиленъ, что прорываетъ плотину, которую я долженъ былъ поставить предъ собою, чтобъ не злоупотребить вашимъ терпѣніемъ и вашей снисходительностью. Задача эта особенно трудна еще потому, что тѣ изъ васъ, которые не привыкли къ способу наблюденія и аргументаціи, составляющему характерную черту позитивнаго метода, будутъ испытывать при моихъ утвержденіяхъ какъ бы толчокъ, ударъ, наносимый ихъ собственному научному сознанію,— обстоятельство, котораго я могъ бы избѣгнуть лишь въ томъ случаѣ, еслибы, имѣя въ своемъ

распоряженіи больше времени, я могъ бы цѣлымъ рядомъ промежуточныхъ идей подготовить почву для полнаго пониманія тѣхъ утвержденій, которыя быть можетъ покажутся вамъ слишкомъ рискованными, въ то время какъ они въ сущности представляютъ собою лишь синтезъ предшествующаго анализа. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ вы своимъ приглашеніемъ, а я своимъ появленіемъ на этой кафедрѣ имѣли въ виду лишь ознакомленіе съ упомянутымъ научнымъ направленіемъ въ самыхъ общихъ чертахъ, то я спокойно приступаю къ дѣлу и постараюсь отдать вамъ отчетъ о наиболѣе выдающихся результатахъ, добытыхъ позитивной школой какъ въ натуралистической, такъ и въ юридической области сначала въ Италіи, а теперь и во всей работающей и мыслящей Европѣ и Америкѣ, о результатахъ, составившихъ цѣлую библіотеку замѣчательныхъ и оригинальныхъ трудовъ.

Какъ я уже сказалъ, методъ и цѣль позитивной школы заключаются въ изученіи естественнаго генезиса преступленія до опредѣленія его юридическихъ свойствъ и юридическихъ послѣдствій.

Мы утверждаемъ, что преступленіе, подобно всякому другому человѣческому поступку, есть продуктъ и результатъ сплетенія опредѣленныхъ причинъ, кроющихся въ физическомъ и нравственномъ мірѣ, во внѣшней и соціальной окружающей средѣ; вслѣдствіе этого ни для одного человѣческаго поступка, слѣдовательно и для преступленія, нельзя подыскать научнаго объясненія, если не считаться съ этими естественными факторами человѣческой дѣятельности, хотя бы въ ихъ наиболѣе существенныхъ чертахъ. Такимъ образомъ, научная позитивная школа различаетъ слѣдующія естественныя причины преступности: антропологическія причины, касающіяся сложенія индивидуума, преступника; затѣмъ

внѣшніе факторы или причины, касающіеся окружающей среды, въ которой этотъ организмъ ростетъ, живетъ, работаетъ и погибаетъ. Я не могу при этомъ не замѣтить, что, когда противники позитивной школы, либо съ абсолютно классической и традиціонной точки зрѣнія, либо съ точки зрѣнія позитивнаго наблюденія, нападаютъ на нашу школу, опираясь на скудный рядъ доводовъ и напирая на тотъ или другой частный результатъ, то ихъ критику никакъ нельзя назвать вполнѣ научной, такъ какъ позитивной школѣ никогда и въ голову не приходило утверждать, будто преступленіе можетъ зависѣть лишь отъ какой нибудь линіи черепа или даже отъ данной органической конституціи. Наша школа всегда утверждала, что преступленіе, совершенное всякимъ человѣкомъ, есть продуктъ не одного только его органическаго сложенія, а также, и главнымъ образомъ, его психической и моральной конституціи, равно какъ и условій физической и соціальной внѣшней среды, въ которой этотъ человѣкъ пребываетъ. Поэтому, когда критика говоритъ: я не признаю позитивной школы, такъ какъ она утверждаетъ, что человѣкъ, имѣющій выдающуюся скуловую кость, преступникъ, — то такая критика воюетъ не съ нашей школой, а съ созданною ея фантазіей карикатурой этой школы. А при такомъ условіи побѣду совсѣмъ не трудно одержать, ибо, изувѣчивъ ноги противника, она, конечно, легко догонитъ и опрокинетъ его.

Дѣйствительно, позитивная школа выступила прежде всего съ криминально-антропологическими изслѣдованіями, которыя, все болѣе завладѣвая вниманіемъ публики, привели къ убѣжденію, будто по ученію этой школы естественное происхожденіе преступленія слѣдуетъ искать лишь въ органической конституціи преступника. Но въ этомъ именно и заключается оптическая иллюзія публики, объяс-

няющаяся тѣмъ, что упомянутыя антропологическія изслѣдованія составляютъ самую новую, самую оригинальную часть позитивной школы.

Моему почтенному учителю и другу, Цезарю Ломброзо, ученый міръ обязанъ установленіемъ новой науки, уголовной антропологіи, доставившей позитивной школѣ цѣлый рядъ замѣчательныхъ научныхъ открытій. Недавно опубликованный имъ второй томъ сочиненія «Преступникъ» (L'uomo delinquente) произведетъ переполохъ во всемъ ученомъ мірѣ; онъ доказываетъ, что позитивная школа изъ самыхъ кипучихъ источниковъ жизни черпаетъ тайну своей силы, черпаетъ могущественную силу истины, а не пустячные призраки миража.

Первая категорія вышеупомянутыхъ мною естественныхъ причинъ, касающихся сложенія преступниковъ, дѣйствительно составляетъ предметъ новой науки—уголовной антропологіи; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы позитивная школа представляла лишь одинъ союзъ между уголовной антропологіей и уголовнымъ правомъ или же, какъ выражаются другіе—одно лишь подчиненіе уголовнаго права антропологіи, что̀, конечно, еще хуже. Уголовная антропологія, — одно изъ орудій нашего научнаго движенія, черпающаго свои наблюденія и факты не изъ одной только области антропологіи, а и психологіи, статистики и соціологіи—наукъ, занимающихся изученіемъ индивидуума и общества и дающихъ намъ анализъ позитивныхъ элементовъ, изъ которыхъ соціологъ—криминалистъ выводитъ извѣстныя убѣжденія, формулируемыя имъ позднѣе въ уголовномъ правѣ для защиты общества отъ шайки злодѣевъ. Антропологическіе факторы преступности, о которыхъ я, разумѣется, не могу здѣсь говорить подробно, установили ту безспорную истину, что преступники образуютъ собою

группу, особенный типъ людей съ болѣе низкимъ біологическимъ развитіемъ. Мы увидимъ, что необходимо отмѣчать различныя категоріи преступниковъ, между которыми дѣйствительно находятся и такіе, которые представляютъ неизмѣнныя и безспорныя аномаліи въ своемъ физическомъ сложеніи, какъ внѣшнемъ, такъ и внутреннемъ; въ послѣднемъ случаѣ, конечно, эти аномаліи можетъ открыть предъ нами лишь ножъ анатома послѣ смерти преступника.

Уголовная психологія въ свою очередь установила, что преступники—большею частью психически ненормальные люди, и это по двумъ основнымъ причинамъ. Во первыхъ у преступниковъ совершенно отсутствуетъ или недостаточно развито нравственное чувство, составляющее самую могущественную силу въ дѣлѣ борьбы съ преступными искушеніями. Это нравственное чувство не должно понимать, какъ спеціальное чувство, нѣкогда называвшееся чувствомъ справедливости и несправедливости, чувствомъ чести и безчестія; при свѣтѣ психологіи мы должны разсматривать его, какъ общее настроеніе индивидуума, такъ или иначе реагирующаго на искушенія окружающей среды, смотря по тому, обладаетъ ли онъ сильной и нормальной нравственной конституціей или же ненормальной и атрофической. Во вторыхъ, у преступниковъ наблюдается отсутствіе предусмотрительности, касающееся области ихъ идей, ихъ интеллигентности.

Если вы имѣете предъ собою человѣка съ этими психическими аномаліями, т. е. со слаборазвитымъ нравственнымъ чувствомъ и недостаточной предусмотрительностью, то это значитъ, что вы имѣете предъ собою условія и психическіе факторы преступленія; и едва только внѣшняя среда съ большею или меньшею силою подвергнетъ искушенію этотъ

ненормальный организмъ, едва только искра преступной мысли или преступнаго дѣйствія пролетитъ чрезъ его мозгъ, —этотъ человѣкъ не замедлитъ совершить преступленіе, вмѣсто того чтобы воздержаться и противостоять искушенію, какъ это сдѣлалъ бы человѣкъ нравственный и честный. Вотъ въ чемъ заключается ядро, основное положеніе уголовной антропологіи, которую, такимъ образомъ, отнюдь не слѣдуетъ себѣ представлять въ смыслѣ старой френологіи съ разными бугорками убійства, кражи, разбоя, изнасилованія и т. д., а въ смыслѣ, приводящемъ насъ къ заключенію, что преступникъ — ненормальный человѣкъ, принадлежащій къ той категоріи, которую мы опредѣлимъ послѣ краткаго изслѣдованія другихъ факторовъ.

Прежде всего я долженъ отвѣтить здѣсь на другой рядъ замѣчаній, сдѣланныхъ критиками болѣе или менѣе компетентными въ дѣлѣ антропологіи. Они говорятъ: мы не вѣримъ вашей наукѣ, ибо въ вашихъ наблюденіяхъ нѣтъ согласія, нѣтъ точности; если одинъ изъ васъ видѣлъ такія то особенности у 20%, то другой видѣлъ тѣ же особенности у 40%, третій—у 60%, а четвертый всего у 5%; поэтому мы не можемъ придавать вѣры и значенія наукѣ, результаты которой колеблются между 5% и 60%.

На это замѣчаніе у насъ имѣются два отвѣта. Одинъ отвѣтъ, общій, заключается въ томъ, что позитивная школа можетъ заблуждаться и несомнѣнно будетъ заблуждаться въ извѣстныхъ частностяхъ, въ извѣстныхъ частныхъ выводахъ, причемъ новыя наблюденія приходятъ и будутъ приходить ей на помощь для пополненія научнаго матерьяла. Но вѣдь такова общая участь всѣхъ естественныхъ наукъ, даже самыхъ позитивныхъ, напримѣръ, астрономіи и анатоміи, — что эти элементарныя данныя весьма различны у различныхъ наблюдателей, ибо живая природа создаетъ без-

конечное разнообразіе элементовъ и безконечныя комбинаціи отношеній. Поэтому лишь критикъ со своими абстрактными силлогизмами можетъ требовать здѣсь архитектурной симметріи. Но силлогизмъ—слишкомъ ненадежное и безплодное оружіе предъ разнообразіемъ природы.

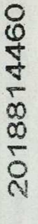
Мы и не думаемъ настаивать, что малая или клиновидная форма черепа наблюдается обязательно у 25% всѣхъ случаевъ, а не у 27%; мы предоставляемъ техникамъ антропологіи съ точностью опредѣлить эти данныя. Для насъ, соціологовъ, желающихъ изучить необходимыя отношенія общественной жизни, для нашей научной задачи — достаточны тѣ безспорные выводы (каковы бы ни были частныя разногласія), что у преступниковъ наблюдаются различныя аномаліи и наблюдаются въ большемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по различнымъ изслѣдуемымъ индивидуумамъ и окружающей средѣ. Такова научная функція уголовной антропологіи для соціолога. Антрополога-техника должно интересовать также точное установленіе частныхъ разногласій. Подобно тому какъ для клинициста не имѣютъ особеннаго значенія разногласія анатомовъ относительно разнообразія, встрѣчающагося въ однихъ и тѣхъ же органахъ, и онъ довольствуется лишь общимъ синтезомъ, даваемымъ анатоміей для средняго организма, изъ котораго онъ затѣмъ и черпаетъ свои діагностическіе и терапевтическіе выводы, — такъ и соціологу нѣтъ особеннаго дѣла до частныхъ разногласій, а его также интересуетъ лишь общій синтезъ, заключающійся въ томъ, что преступники, какъ въ отдѣльности, такъ и въ совокупности, всегда представляютъ рядъ аномалій, какъ органическихъ, такъ и нравственныхъ или психическихъ.

Есть еще два тяжелыхъ упрека, сдѣланныхъ уголовной антропологіи; но и эти не въ состояніи умалить юри-

дически-соціальныхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ ученія позитивной школы. Замѣчанія эти касаются криминальнаго типа преступника и природы преступленія.

Что касается перваго изъ нихъ, то оно сводится къ тому, что нельзя допустить существованія антропологическаго типа преступника въ виду различныхъ результатовъ, полученныхъ относительно той или иной особенности, слѣдовательно и относительно общаго вывода. Это замѣчаніе не имѣетъ никакой цѣны. Оставляя въ сторонѣ всѣ другіе отвѣты, мы дадимъ лишь одинъ рѣшительный отвѣтъ всѣмъ противникамъ нашей школы, выѣзжающимъ на своихъ силлогизмахъ. О криминальномъ типѣ можно, конечно, *спорить* за кабинетнымъ столомъ, можно развлекаться силлогизмами, потративъ на это цѣлыя банки чернилъ, но *изучать* криминальный типъ можно лишь въ тюрьмахъ и заведеніяхъ для душевно-больныхъ; и если здѣсь опытный наблюдатель въ состояніи отличить типъ вампира отъ типа вора или карманщика, то вы имѣете дѣло съ фактомъ, говорящимъ съ положительнымъ краснорѣчіемъ противъ всѣхъ силлогизмовъ, составленныхъ за кабинетнымъ столомъ.

Когда я однажды посѣтилъ со своими слушателями, студентами римскаго университета, римскія тюрьмы, чтобы убѣдить ихъ въ практическомъ примѣненіи сказанныхъ наблюденій, то я въ десяти случаяхъ съумѣлъ исключить или угадать извѣстную форму преступности; въ этихъ случаяхъ преступный типъ былъ очень ярко обрисованъ. Но необходимо замѣтить, что не всѣ преступники относятся къ этой категоріи, потому что и здѣсь имѣется серія маленькихъ микробовъ преступности, представляющихъ скорѣе продуктъ окружающей среды, чѣмъ ихъ индивидуальнаго сложенія, а потому гораздо рѣже и не такъ ярко выражающихъ преступный типъ. Я, къ сожалѣнію, не могу

здѣсь подробнѣе остановиться на этомъ предметѣ, такъ какъ для этого мнѣ пришлось бы развернуть предъ вами весь добытый нами обильный экспериментальный матерьялъ; а потому я адвокатской ловкости всѣхъ, забавляющихся игрою въ силлогизмы, противопоставляю вышеуказанный фактъ позитивнаго наблюденія, уничтожающій всю фосфоресцентность дилеммъ, устанавливаемыхъ логической фантазіей толпы бойцовъ, носящихъ панцыри изъ раскрашеннаго картона, принимаемаго многими за настоящую сталь, и носящихъ дѣтскія хлопушки, принимаемыя за серьезное оружіе

Другой, не менѣе важный вопросъ относительно природы преступности имѣетъ бо̀льшее значеніе для технической стороны уголовной антропологіи, а не для насъ, криминалистовъ - соціологовъ, никогда не упускающихъ изъ виду, что мы занимаемся уголовной антропологіей, какъ средствомъ для достиженія извѣстныхъ юридическохъ выводовъ, но не ради самой уголовной антропологіи.

Намъ нужны факты, изъ которыхъ мы и извлекаемъ юридическіе выводы; такимъ образомъ, вопросъ о сущности преступности интересуетъ насъ лишь въ извѣстной степени. Уголовные антропологи задаютъ себѣ вопросъ, составляетъ ли унаслѣдованная преступность продуктъ атавизма, т. е. возникновеніе у потомковъ инстинктовъ и ненормальнаго сложенія ихъ предковъ, по законамъ органической и психологической эволюціи, есть ли преступность вообще лишь форма душевной болѣзни и образуютъ ли умопомѣшательство и преступленіе вѣтви одного ствола, который, по воззрѣнію Ломброзо, могъ бы имѣть общіе корни въ эпилептической природѣ преступника.

Другіе утверждаютъ, что преступность есть лишь особая форма вырожденія. Это воззрѣніе въ настоящее время получило самое широкое распространеніе; вырожденіемъ

объясняются теперь слишкомъ многіе патологическіе случаи, преступленіе и сумасшествіе, самоубійство и чахотка; поэтому, желая объяснить слишкомъ много, оно въ концѣ концовъ объясняетъ слишкомъ мало. Во всякомъ случаѣ, для насъ не имѣетъ особеннаго значенія: представляетъ ли собою преступность явленіе атавизма или вырожденія. Антропологія, прогрессируя, выяснитъ этотъ вопросъ; экспериментальный же методъ требуетъ, чтобы общіе выводы не дѣлались слишкомъ поспѣшно.

Мы знаемъ, что въ психіатріи не существуетъ согласія во мнѣніяхъ относительно сущности умопомѣшательства. Но это не мѣшаетъ ей изучать и лѣчить всѣхъ видовъ помѣшанныхъ и приходить къ блестящимъ результатамъ, которыми мы, главнымъ образомъ, обязаны союзу науки съ современнымъ милосердіемъ.

Вотъ все, что мѣсто и время позволяютъ мнѣ сказать вамъ относительно уголовной антропологіи. Я знаю, что сказалъ очень мало, но этого все таки будетъ достаточно, чтобы облегчить вамъ уразумѣніе общихъ выводовъ, къ которымъ я приду.

Вторую серію естественныхъ причинъ преступности составляютъ физическіе факторы или условія физической среды, въ которой каждый честный и нечестный человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ. Вліяніе физической среды на нашъ организмъ забывается большинствомъ людей только потому, что оно ни на минуту не прекращается, а, какъ выразился уже Жанъ Жакъ Руссо, необходимо много философскаго ума, чтобы подмѣтить наиболѣе близкія къ намъ и обыкновенныя вещи.

Такимъ образомъ часто случается, что вліяніе физической среды совершенно ускользаетъ отъ того, кто при своихъ изслѣдованіяхъ пренебрегаетъ спеціальными наблю-

деніями. Я поясню вамъ это на примѣрѣ. Если мы встрѣчаемся съ пріятелемъ, который на наше любезное привѣтствіе отвѣчаетъ грубостью, или же если мы сталкиваемся съ человѣкомъ, который на нашу безобидную шутку отвѣчаетъ ударомъ кинжала, то мы сразу не можемъ представить себѣ, чтобы бушевавшій въ тотъ моментъ вѣтеръ могъ сдѣлать нервную систему этого человѣка болѣе раздражительной и стать причиной грубаго поступка со стороны индивидуума, который при другихъ условіяхъ улыбнулся бы шуткѣ пріятеля и самъ быть можетъ удивился бы, какъ это человѣкъ можетъ такъ неестественно, такъ ненормально реагировать на безобидный поступокъ другого человѣка.

Какъ часто человѣческія уста повторяютъ нелѣпость, будто позитивизмъ отравляетъ жизнь, разрушаетъ идеальные источники поэзіи, низводитъ человѣка до степени автомата или животной машины! А между тѣмъ, позитивизмъ, въ дѣйствительности, извлекаетъ изъ человѣческой природы силу идеальной поэзіи, о какой весь фантастическій вздоръ романтизма и сентиментализма и мечтать не можетъ. Позитивизмъ—это истинный источникъ поэзіи въ жизни, истинный источникъ человѣческой любви, ибо, какъ прекрасно выразилась мадамъ Сталь, все понять—значитъ все простить. Позитивизмъ —величайшая школа человѣческой толерантности, какую только наука дала жизни; ибо, когда вы узнаете, что способъ дѣйствовать и чувствовать у каждаго изъ насъ не есть дѣло какого нибудь *fiat* нашей воли, а результатъ тѣхъ естественныхъ факторовъ, которые каждый изъ насъ приноситъ съ собою или получаетъ отъ окружающей среды, — то вы начинаете относиться терпѣливѣе къ отклоненіямъ и аномаліямъ жизни, какъ крупнымъ, такъ и мелкимъ. Вы защищаетесь отъ послѣднихъ, такъ какъ этого требуетъ законъ самосохраненія; но вы безъ ненависти,

безъ злобы и безъ жестокости, а скорѣе съ участіемъ начинаете судить тѣхъ ближнихъ, которые изъ врожденной слабости или вслѣдствіе осложнившихся условій окружающей среды падаютъ въ пропасть, въ то время какъ вы имѣете счастье ходить по гладкому шоссе.

Изъ наиболѣе важныхъ физическихъ условій, рѣшающихъ человѣческую жизнь, я отмѣчу здѣсь лишь климатъ и почву, чтобы обратить ваше вниманіе на постоянную, упорную и неумолимую власть, которую эти элементы физической жизни имѣютъ надъ индивидуумомъ, слѣдовательно и надъ параболой гражданскаго общества и надъ его послѣдовательнымъ развитіемъ. Сѣверный или южный климатъ, болѣе или менѣе плодородная или дикая почва отражаются, по Боклю, на художественной фантазіи народа, и вы такимъ образомъ имѣете предъ собою меланхолію нормановъ и жгучую, живую фантазію неаполитанца. Въ сѣверномъ климатѣ упорная мышечная и умственная борьба человѣка съ неблагодарными условіями среды и почвы, гдѣ онъ живетъ, побуждаетъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и цѣлыя поколѣнія къ вѣковой гимнастикѣ. А это обстоятельство дѣлаетъ фантазію сѣверянина менѣе художественной, но за то болѣе мужественной, чѣмъ фантазія легкомысленнаго и жизнерадостнаго южанина.

Послѣдняя серія причинъ, опредѣляющихъ дѣятельность человѣка, касается соціальной среды, той второй окружающей среды, въ которой человѣкъ живетъ и въ которой создается его психологическій и моральный организмъ.

Уже Кетле, благодаря которому изученіе уголовной статистики подвинулось такъ далеко впередъ, понялъ и ясно формулировалъ эту идею, сказавъ, что каждое преступленіе имѣетъ невидимаго сообщника въ лицѣ общества, среди котораго оно совершилось. «Общество подготовляетъ пре-

ступленіе, а преступникъ лишь выполняетъ его». Фраза эта можетъ показаться преувеличенной, если ей придать абсолютное значеніе; но она пріобрѣтаетъ значеніе грустной истины, если ее примѣнить къ извѣстнымъ индивидуумамъ различныхъ общественныхъ классовъ, которыхъ несчастная участь привела къ различнымъ формамъ преступленія.

Дѣйствительно, когда вы имѣете предъ собою человѣка, убивающаго своего отца за то, что тотъ отказался дать ему денегъ на попойку, то нѣтъ никакого основанія приписать это преступленіе окружающей средѣ. Мы имѣемъ предъ собою просто ненормальнаго несчастнаго человѣка, лишеннаго нравственнаго чувства. Но когда предъ вами находится обманутая женщина, которая тщетно взываетъ къ гражданскимъ законамъ, прося оказать ей покровительство въ ея дѣлѣ съ гнуснымъ соблазнителемъ и которая, при первомъ пискѣ своего незаконорожденнаго дитяти, «плода любви несчастной», вмѣсто того чтобы въ порывѣ радости прижать его къ своей материнской груди, увлекаемая какимъ-то ураганомъ мыслей и чувствъ, душитъ крошечное созданьице и совершаетъ дѣтоубійство, — тогда мы, позитивисты, по отношенію къ такой подсудимой признаемъ недѣйствительными и даже несправедливыми общественные законы, избавляющіе отъ отвѣтственности того, кого они болѣе всего должны коснуться, и всею тяжестью ложащіеся на ту, которая здѣсь является скорѣе жертвой, чѣмъ виновницей.

И если рабочій, живущій лишь трудомъ своихъ рукъ, ищетъ работы и,—вслѣдствіе существующаго экономическаго строя, который сложился такъ, а не иначе не по винѣ Ивана или Степана, а въ силу исторической эволюціи,— не находитъ спроса на свои руки; если такой рабочій, вернувшись вечеромъ домой, вмѣсто пріятнаго отдыха въ

кругу довольной и веселой семьи, встрѣчаетъ лишь страданія голодающихъ дѣтей, то онъ, поборовъ въ себѣ чувство стыда, выбираетъ мѣсто въ какомъ нибудь темномъ переулкѣ города и протягиваетъ руку за милостыней, унижающей его въ собственныхъ глазахъ. И если при этомъ прохожій не обращаетъ никакого вниманія на его мольбы или, пожалуй, даже начинаетъ издѣваться надъ нимъ, то этотъ человѣкъ совершенно перестаетъ владѣть собою и протягиваетъ руку къ хлѣбу, виднѣющемуся въ корзинѣ булочника. Въ такомъ случаѣ мы также восклицаемъ: общество не имѣетъ права смотрѣть на этого человѣка, какъ на вора, потому что онъ не болѣе какъ несчастный!

Человѣкъ, не раздѣляющій взглядовъ позитивной школы, навѣрно завопіетъ при этихъ моихъ словахъ: «Какъ! значитъ вы оправдываете воровство? значитъ вы не желаете болѣе наказывать виновнаго?» Но такое замѣчаніе лишь извращаетъ дѣйствительный смыслъ нашихъ словъ. Мы отнесли упомянутаго рабочаго къ извѣстной категоріи преступниковъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы всѣхъ воровъ отнесли къ этой группѣ и чтобы въ каждой кражѣ мы взваливали прямую вину на общественную среду. Дѣйствительно, существуютъ также воры по врожденной наклонности. Даже публикѣ хорошо извѣстны случаи непреоборимой наклонности къ воровству, составляющей органическую болѣзнь, подобно легочной чахоткѣ или маніи величія, и ведущей въ домъ умалишенныхъ. Слѣдовательно, эта категорія воровъ совершенно отлична отъ другой, какъ и отъ тѣхъ воровъ, которые, не проявляя крайнихъ патологическихъ нарушеній, обладаютъ такой ненормальной конституціей, что еслибы даже у нихъ имѣлась работа, они все таки предпочли бы ей воровство, ибо они, по ихъ собственнымъ словамъ, не признаютъ, чтобы оно было зломъ.

Для нихъ воровство — профессія, имѣющая лишь то неудобство, что за нее можно попасть въ тюрьму; все равно какъ каменьщикъ можетъ слетѣть на мостовую или рудокопъ—взлетѣть на воздухъ или быть раздавленнымъ обвалившеюся глыбой. Не слѣдуетъ поэтому преувеличивать нашихъ положеній; не слѣдуетъ думать, будто мы желаемъ даровать свободу и безнаказанность всѣмъ убійцамъ и ворамъ. Основной выводъ, къ которому мы приходимъ, благодаря аналитическому изученію различныхъ естественныхъ причинъ, антропологическихъ, физическихъ и соціальныхъ факторовъ, всегда въ различной пропорціи и степени входящихъ въ подготовленіе всякаго преступленія, — основной выводъ этотъ слѣдующій: преступленіе не есть явленіе, уклоняющееся отъ естественныхъ законовъ, не есть явленіе, вызываемое свободной волей человѣка, а оно есть естественное явленіе, результатъ тройного ряда факторовъ: антропологическаго сложенія индивидуума, внѣшнихъ физическихъ условій и соціальной среды, въ которой онъ живетъ. Гипотеза свободы воли, если бы даже она не была опровергнута всѣми наблюденіями и выводами современной позитивной психологіи, имѣетъ въ себѣ ту безотрадную сторону, что побуждала бы насъ къ все большимъ жестокостямъ, чѣмъ тѣ, которыя мы позволяли и отчасти теперь еще позволяемъ себѣ по отношенію къ индивидуумамъ, признаваемымъ нами скорѣе несчастными, чѣмъ виновными.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о свободѣ воли до сихъ поръ невыясненъ, и люди, не сдѣлавшіе по этому предмету спеціальныхъ изслѣдованій, такъ неточно понимаютъ свободную волю, что смѣшиваютъ съ нею способность свободно дѣйствовать, которой никто никогда не отрицалъ и которая не имѣетъ ничего общаго со свободой воли. Но если бы даже вопросъ о свободѣ воли не былъ такъ сильно

поколебленъ наблюденіями позитивной психологіи, мы все таки имѣемъ здѣсь дѣло съ такой спорной и шаткой гипотезой, что она ни въ какомъ случаѣ не могла бы послужить основаніемъ для уложенія о наказаніяхъ, которое должно имѣть подъ собою твердую и незыблемую почву. Ибо если уголовное правосудіе въ какомъ нибудь обществѣ не имѣетъ абсолютно прочнаго основанія (а такимъ непрочнымъ основаніемъ именно была бы свобода воли), то его отправленія не соотвѣтствуютъ болѣе требованіямъ реальной жизни, какъ это и доказывается многочисленными жестокими обвинительными или несправедливыми оправдательными приговорами.

И въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ васъ, владѣющій хоть маломальскимъ опытомъ, не могъ не замѣтить, что современные уголовные суды подчасъ бываютъ до сентиментальности снисходительными къ наиболѣе закаленнымъ преступникамъ и до жестокости строгими къ той преступной мелюзгѣ, которая совершаетъ ничтожныя нарушенія закона скорѣе по винѣ общественной среды, чѣмъ изъ дѣйствительнаго влеченія къ преступленію.

Когда рабочій, руководимый желаніемъ побольше выручить за свой тяжелый трудъ, устраиваетъ стачку и, не будучи блестяще воспитаннымъ, позволяетъ себѣ нѣсколько грубыхъ выраженій или угрозъ, то вы привлекаете его къ суду (и на основаніи новаго кодекса вамъ часто прійдется это дѣлать, потому что трудно представить себѣ стачку безъ криковъ и угрозъ),—и тогда, именно благодаря тому, что мы имѣемъ предъ собою нормальнаго и честнаго человѣка, теорія свободной воли признаетъ его вполнѣ вмѣняемымъ, ибо онъ не находился подъ вліяніемъ какого нибудь изъ тѣхъ условій умопомѣшательства, которыя такъ легко отыскать у изнасилователя, убійцы или кровосмѣшателя,

вслѣдствіе того, что эти величайшія преступленія совершаются лишь въ крайне ненормальныхъ случаяхъ. Для послѣдняго рода преступниковъ требуется облегченіе наказанія; иногда ихъ совершенно освобождаютъ отъ отвѣтственности или имъ даже устраиваютъ оваціи, вродѣ тѣхъ, какія оказаны были, напримѣръ, въ Миланѣ одной женщинѣ, облившей сѣрной кислотой покинувшаго ее любовника.

Всѣ эти наблюденія сводятся къ слѣдующему: существуетъ законъ *преступнаго насыщенія* (saturazione criminosa), въ силу котораго каждая общественная и физическая среда въ данный историческій моментъ имѣетъ извѣстную форму и извѣстное количество преступленій, которыя, слѣдовательно, не найдутъ своихъ дѣйствительныхъ лекарствъ въ наказаніяхъ, налагаемыхъ писанными сводами законовъ и примѣняемыхъ судьями. Въ этомъ именно и заключается одна изъ величайшихъ иллюзій, разбитыхъ позитивной школой.

Безсиліе системы наказаній въ дѣлѣ врачеванія преступленій дѣйствительно составляетъ логическое и экспериментальное послѣдствіе этого рода явленій. Мы вовсе не желаемъ совершенной отмѣны наказанія; мы лишь утверждаемъ, что, пока не будутъ уничтожены или ослаблены причины, вызывающія преступленіе, задача не будетъ рѣшена. Возлагать всю надежду на уголовный кодексъ и на мечъ Немезиды—иллюзія, потому что эффектъ до тѣхъ поръ будетъ продолжать существовать, пока будутъ существовать вызывающія его причины. Поэтому мы ждемъ гораздо лучшихъ результатовъ отъ системы предупрежденія преступленій, чѣмъ отъ системы наказанія уже совершившихся проступковъ. Необходимо въ зародышѣ уничтожить зачатки преступленія, и лишь тогда вамъ удастся истре-

бить или сдѣлать менѣе вреднымъ гибельный контагій преступности. Говоря о системѣ предупрежденія, мы имѣемъ въ виду слѣдующее: законодатель долженъ изучать общественный организмъ въ здоровомъ и больномъ состояніи, въ его нормальныхъ и патологическихъ отправленіяхъ, чтобы, имѣя возможность по симптомамъ судить о природѣ недуга, онъ легче могъ пріискать средства для его устраненія.

До сихъ поръ криминалисты слѣдовали методу, приводившему ихъ къ иллюзіи и искаженію дѣйствительности. Во первыхъ, они предполагаютъ, что всѣ преступники равны между собою, потому что, какъ извѣстно, классическая уголовная школа какъ бы уподобляетъ преступника алгебраическому члену, къ которому примѣняются юридическія формулы, разсматривающія преступленіе, какъ юридическую обособленность. Имъ нѣтъ дѣла до того, что тотъ или другой преступникъ совершилъ свое преступленіе при очевидно ненормальныхъ условіяхъ: въ будничной юридической практикѣ на сангвиничный или нервный темпераментъ, на экономическія или семейныя условія обращаютъ мало вниманія, такъ какъ тамъ обвиняемый представляетъ собою алгебраическую цифру безъ индивидуальной физіономіи, и къ этой цифрѣ примѣняется теорія, смотря по природѣ совершеннаго преступленія

Вторая иллюзія классической школы заключается въ слѣдующемъ: послѣдователь этой школы не наблюдаетъ преступника непосредственно, а судитъ о немъ, полагаясь на свои собственныя чувства; и, будучи самъ нормальнымъ и честнымъ человѣкомъ, онъ полагаетъ, что таковымъ долженъ быть и преступникъ, что, подобно ему, этотъ преступникъ долженъ чувствовать отвращеніе къ своему проступку и бояться грозящаго ему наказанія. — Если же вы

станете непосредственно изучать преступниковъ, то увидите, что между ними имѣются и такіе, которымъ мысль совершить преступленіе не внушаетъ ни ужаса, ни отвращенія; имѣются такіе, которые нисколько не боятся наказанія, разсматриваемаго ими, какъ одно изъ неудобствъ ихъ профессіи. Попавъ въ тюрьму, этого рода преступники находятъ, что тамъ вовсе не такъ дурно, какъ они полагали, и нѣкоторые несчастные умышленно совершаютъ какое нибудь преступленіе, чтобы въ зимнее время попасть на казенные столъ и квартиру. Слѣдовательно, не всѣ преступники, не всѣ убійцы и воры одинаковы и не всѣ разсуждаютъ о преступленіи и наказаніи, подобно намъ, честнымъ людямъ.

Существуютъ различныя категоріи преступниковъ, которыя позитивная школа сводитъ къ нижеслѣдующимъ формамъ, отличеннымъ уже общественнымъ мнѣніемъ, но не закономъ, въ которомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ очевидныхъ случаевъ, всѣ преступники сливаются и теряются въ своей алгебраической фикціи.

Позитивная школа отличаетъ, во первыхъ, преступника съ ясно выраженной *формой умопомѣшательства*, и въ этомъ отношеніи она пользуется поддержкой общественнаго мнѣнія, а также дѣйствующихъ законовъ, если дѣло идетъ объ очевидномъ случаѣ. Само собою разумѣется, что не всѣ могутъ судить и установить, когда человѣкъ помѣшанъ или здоровъ, ибо существуетъ законъ постепеннаго перехода отъ одной формы къ другой. Существуютъ промежуточныя стадіи, гдѣ человѣка нельзя назвать ни совершенно помѣшаннымъ, ни совершенно здоровымъ, между тѣмъ какъ судьи и юристы требуютъ отъ эксперта, чтобы онъ точно установилъ дѣйствительное состояніе. И экспертъ отвѣчаетъ: этотъ человѣкъ отчасти здоровъ, отчасти боленъ,

такъ какъ въ немъ равновѣсіе отправленій отчасти нарушено, отчасти же сохранилось въ полной силѣ. Общество и судьи, не получившіе спеціальнаго медицинскаго образованія, а потому знакомые лишь съ двумя или тремя наиболѣе обыкновенными формами умопомѣшательства и совершенно незнакомые со всѣми градаціями и разнообразными формами, установленными современной психіатріей, — естественно не понимаютъ и не могутъ понять этихъ промежуточныхъ стадій, требующихъ особаго лѣченія, смотря по особеннымъ свойственнымъ имъ условіямъ.

Затѣмъ слѣдуетъ категорія преступниковъ, еще менѣе знакомая общественному мнѣнію и установленная современными антропологическими изслѣдованіями. Я говорю о *преступникѣ по врожденной наклонности* (delinquente per tendenza congenita), о *рожденномъ преступникѣ* (delinquente nato).

Странно, что общественное мнѣніе, вполнѣ сознавая все выдающееся значеніе унаслѣдованныхъ и врожденныхъ особенностей въ человѣческой жизни, когда дѣло идетъ о нормальныхъ и плодотворныхъ проявленіяхъ жизни, — не желаетъ допустить вліянія этой наслѣдственности, когда рѣчь заходитъ объ извѣстныхъ пагубныхъ и преступныхъ наклонностяхъ. Причина ясна: общественное мнѣніе боится уничтоженія отвѣтственности за преступленіе со всѣми вытекающими отсюда юридически-соціальными послѣдствіями.

Но разъ вопросъ объ отвѣтственности получаетъ отъ позитивной школы совсѣмъ другое направленіе и приводитъ къ совершенно другимъ послѣдствіямъ, то нѣтъ основанія отрицать, что, подобно тому какъ существуетъ счастливый человѣкъ, родившійся съ феноменальными горловыми связками, дающими ему возможность заработать въ одинъ вечеръ столько денегъ, сколько честный рабочій не выручаетъ

втеченіе цѣлаго года, — существуетъ также и несчастный человѣкъ, родившійся съ атрофированнымъ нравственнымъ чувствомъ, лишающимъ его всякаго отвращенія къ преступленію. Горловыя связки счастливца не составляютъ заслуги ихъ собственника, подобно тому какъ, напримѣръ, геніальность какого нибудь человѣка не составляютъ его заслуги, а есть лишь даръ слѣпой природы, разыпающей наугадъ цвѣты и шипы по жизненному пути. Въ лоттереѣ жизни одному счастливцу удается захватить бо̀льшую дозу умственнаго и нравственнаго могущества, а потому нельзя приписать никакой личной заслуги или вины тому, кто родился красивымъ или безобразнымъ, умнымъ или глупымъ, геніемъ или посредственностью. Точно также и другіе индивидуумы, составляющіе категорію рожденныхъ преступниковъ, неповины въ томъ, что родились на свѣтъ божій безъ развитаго нравственнаго чувства или безъ той дозы интеллигентности, которая составляетъ жизненную норму; они, слѣдовательно, невиновны и въ томъ, что не испытываютъ отвращенія или ужаса при совершеніи убійства или преступленія противъ нравственности. Это—ненормальные люди, за которыми нужно слѣдить, потому что они опасны, но которые все таки ничего не могутъ подѣлать противъ того, что родились такими, а не иными.

Конечно, эта идея идетъ въ разрѣзъ съ обычными воззрѣніями, а потому уже сама по себѣ заслуживаетъ, чтобы ей посвятили не одну, а десять лекцій. Оставляя въ сторонѣ общія разсужденія, вы можете убѣдиться въ основательности этой идеи однимъ уже наблюденіемъ извѣстныхъ фактовъ. Если вы сталкиваетесь съ ребенкомъ, который, воспитываясь въ семьѣ, гдѣ онъ можетъ научиться лишь одному хорошему, вдругъ совершаетъ болѣе или менѣе жестокое кровавое преступленіе, и вамъ не удается открыть

въ немъ выраженій дѣйствительнаго и настоящаго умопомѣшательства, то вы несомнѣнно имѣете предъ собою случай врожденной наклонности къ преступленію. Клиницисты и психіатры на дѣлѣ могли убѣдиться, какъ часто нравственность человѣка могла быть исправлена хирургической операціей или медицинскимъ лѣченіемъ. Вотъ примѣръ. Въ уголовный домъ умалишенныхъ въ Монтелупо въ Тосканѣ поступаетъ рабочій, жизнь котораго ничѣмъ не была запятнана до тѣхъ поръ, пока вслѣдствіе паденія онъ не получилъ перелома черепной кости. Доставленный въ больницу, рабочій этотъ вскорѣ, повидимому, совершенно оправился, но врачи, къ сожалѣнію, не замѣтили, что давленіе вдавшагося осколка черепной кости нарушило мозговую дѣятельность этого человѣка. Выписавшись изъ больницы, онъ вскорѣ сталъ страдать эпилептическими припадками, а затѣмъ онъ, прежде образецъ честности и порядочности, сталъ игнорировать семью, бродяжничать, воровать и даже наконецъ дошелъ до грабежа. Осужденный, какъ обыкновенный преступникъ, онъ попалъ въ тюрьму, гдѣ сталъ проявлять болѣе очевидные симптомы умопомѣшательства, вслѣдствіе чего его и перевели въ упомянутое заведеніе въ Монтелупо. Врачъ этого заведенія правильно распозналъ причину болѣзни, удачно произвелъ операцію, которая на медицинскомъ языкѣ называется трепанаціей черепа, удалилъ костный осколокъ, сдавливавшій мозгъ, и вотъ больной, благодаря правильному лѣченію и заботливому уходу, сталъ постепенно поправляться въ своемъ физическомъ и нравственномъ здоровьи. Когда я посѣтилъ этотъ домъ печали, больного можно было назвать физически и нравственно нормальнымъ человѣкомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, вернувшись послѣ этого обратно къ обществу и къ семьѣ, этотъ рабочій будетъ продолжать вести прежнюю трудовую и честную жизнь, кото-

рая столь печально была нарушена случившимся съ нимъ несчастіемъ.

Я привелъ вамъ лишь одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, о которыхъ каждый опытный хирургъ, терапевтъ или психіатръ могъ бы вамъ разсказать много поучительнаго и притомъ гораздо краснорѣчивѣе меня. Видя предъ собою подобные факты, нельзя болѣе отрицать связи между физической и нравственной организацией индивидуума, а также возможности существованія типа преступника по врожденной наклонности. Тѣ явленія, которыя у нашего рабочаго были вызваны насчастнымъ случаемъ (паденіемъ), могли бы быть вызваны и унаслѣдованной или врожденной болѣзнью, создающей условія, которыхъ мы пока еще не знаемъ, но которыя несомнѣнно существуютъ и въ результатѣ которыхъ получается ненормальный и преступный характеръ.

Эти помѣшанные и рожденные преступники составляютъ меньшинство въ обширной семьѣ преступниковъ. Я не могу вамъ сказать, какъ того требуютъ критики, составляютъ ли эти преступники 25% или 10%; такихъ точныхъ цыфръ не можетъ установить даже анатомъ для органовъ человѣческаго тѣла, тѣмъ менѣе ихъ можно требовать отъ уголовнаго антрополога. Скажу вамъ только, что существуетъ между преступниками меньшинство,— болѣе многочисленное, однако, чѣмъ предполагаютъ,— гдѣ преступленіе служитъ лишь проявленіемъ ясно выраженнаго умопомѣшательства или врожденной наклонности къ преступленію.

Затѣмъ слѣдуютъ другія категоріи преступниковъ, гдѣ индивидуальная конституція имѣетъ уже второстепенное значеніе, а гдѣ главное и преимущественное вліяніе принадлежитъ физической и еще болѣе—соціальной средѣ. Прежде всего мы сталкиваемся здѣсь съ преступниками по пріобрѣтенной привычкѣ, составляющими позоръ современной

цивилизаціи, такъ какъ мы до сихъ поръ не съумѣли создать хорошей системы предупрежденія преступленій. Эта категорія преступниковъ гораздо многочисленнѣе въ старой Европѣ, чѣмъ въ Англіи и Америкѣ, гдѣ очень много заботятся о покинутыхъ дѣтяхъ. Старая Европа, вмѣсто того чтобы заботиться о предупрежденіи причинъ преступленія, предоставляетъ этихъ несчастныхъ дѣтей, родившихся въ пагубной средѣ, на произволъ судьбы, вслѣдствіе чего ихъ физическая и нравственная конституція уже въ раннемъ возрастѣ начинаетъ извращаться. Выросши среди ненормальныхъ условій, они легко поддаются искушенію и совершаютъ первый легкій проступокъ, совершенно не предвидя и не понимая всѣхъ послѣдствій, которыя этотъ проступокъ можетъ повлечь за собою. Общество же думаетъ, что не можетъ иначе проучить этого малолѣтняго преступника, какъ посадивъ его на нѣсколько дней въ тюрьму (гдѣ обыкновенно завершается его нравственная испорченность), вмѣсто того, чтобы съ состраданіемъ и заботливостью вырвать это существо, только начинающее жить, изъ отравленной и зараженной среды и поставить его въ болѣе благопріятныя и здоровыя условія. И вотъ малолѣтній преступникъ становится рецидивистомъ, а затѣмъ и преступникомъ по пріобрѣтенной привычкѣ; его нравственное чувство атрофируется, онъ перестаетъ чувствовать отвращеніе къ воровству и мошенничеству и становится наконецъ жертвой настоящей нравственной гангрены, доходя до величайшихъ преступленій, до грабежей съ убійствомъ, за которые общество расплачивается съ нимъ все тѣмъ же тюремнымъ заключеніемъ.

А между тѣмъ нигдѣ предупреждающая дѣятельность общества не могла бы быть плодотворнѣе, чѣмъ именно въ этой области, потому что число преступниковъ этой

категоріи легче всего могло бы быть сведено до минимума.

Къ послѣднимъ двумъ категоріямъ преступниковъ относятся случайные преступники и преступники, совершающіе свое преступленіе въ порывѣ страсти.

Типъ случайнаго преступника почти тождественъ съ типомъ, только что мною установленнымъ для привычнаго преступника, съ тою только разницей, что первый имѣетъ счастье пребывать въ менѣе пагубной и извращенной средѣ, вслѣдствіе чего онъ, послѣ перваго паденія, рѣдко повторяетъ свое преступленіе, такъ что для него исправленіе всегда возможно, чего нельзя сказать о рожденномъ преступникѣ. Вотъ почему эти случайные преступники, павшіе по винѣ печально сложившихся окружающихъ условій, всегда могутъ подняться и стать на должный путь, когда разумная система предупрежденія общественныхъ недуговъ умѣетъ во время подать имъ братскую руку, о которую они могли бы опереться.

Къ послѣдней категоріи, наконецъ, относятся преступники, совершившіе свое преступленіе въ порывѣ страсти. Здѣсь мы попадаемъ въ область, граничащую съ одной стороны съ настоящимъ преступленіемъ, а съ другой стороны съ безупречной жизнью; мы сталкиваемся съ людьми, доведенными до преступленія бурнымъ и ужаснымъ потрясеніемъ ихъ организма въ какой нибудь трагическій моментъ жизни, т. е. съ людьми имѣющими для позитивной науки о преступленіяхъ и наказаніяхъ характеръ, совершенно отличный отъ характера рожденнаго преступника, составляющаго противоположный и крайній типъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ людьми почти или вполнѣ нормальными, совершающими преступленіе единственно въ порывѣ того увлеченія, которое я назвалъ бы душевнымъ ураганомъ.

жертва этого душевнаго урагана совершаетъ одно изъ тѣхъ преступленій, которыя мы называемъ псевдо-преступленіями, такъ какъ настоящими и дѣйствительными преступленіями ихъ нельзя назвать. Если, напримѣръ, человѣкъ совершаетъ величайшее изъ преступленій, убійство, въ случаѣ супружеской измѣны; если юноша убиваетъ человѣка, покушающагося на честь его любимой матери, — то страсть, увлекающая ихъ къ подобному преступленію, не можетъ быть названа ни противообщественной, ни низкой. Кто изъ насъ можетъ съ увѣренностью сказать, что онъ въ подобномъ случаѣ воздержался бы отъ преступленія?

Изложивъ, такимъ образомъ, выводы, къ которымъ приходитъ позитивная школа относительно естественнаго происхожденія преступленія, намъ остается еще намѣтить вытекающія отсюда для общества юридическія послѣдствія. Намъ скажутъ: Если преступники становятся таковыми, благодаря естественнымъ условіямъ ихъ психофизической организаціи и окружающей среды, то какъ общество можетъ признать индивидуума отвѣтственнымъ за совершенное имъ преступленіе и подвергать его наказанію? Логическое послѣдствіе вашей теоріи приводитъ къ полнѣйшей безнаказанности преступниковъ.

Это замѣчаніе отчасти справедливо, отчасти ложно. Справедливо, что, по смыслу новой теоріи, не слѣдуетъ болѣе наказывать преступника такимъ образомъ, чтобы назначать наказаніе пропорціонально преступленію, чтобы судья примѣненіемъ извѣстнаго параграфа уложенія о наказаніяхъ думалъ совершить актъ правосудія, плата за такое то количество провинностей такимъ то количествомъ наказаній. Такую функцію мы не можемъ признать человѣчной. Человѣкъ, какъ уже говорится въ священномъ писаніи, не можетъ быть судьею человѣка; если вы имѣете

предъ собою ближняго, совершившаго хотя бы самое гнусное преступленіе въ мірѣ, то вы можете открыть лишь ничтожную и особенно яркую часть тѣхъ условій, которыя толкнули его на это преступленіе, но вы не можете судить этого человѣка, не можете вѣрно взвѣшивать его нравственной отвѣтственности. Это сужденіе ускользаетъ отъ человѣческой возможности, потому что взвѣшивать вину значитъ желать взвѣсить невѣсомое.

Человѣческій судья долженъ защищать мирнаго человѣка отъ опаснаго и примѣнять различныя предохранительныя мѣры, смотря по различнымъ причинамъ преступленій, смотря по различнымъ категоріямъ преступниковъ: вотъ все. Для душевно больного преступника — уголовный домъ умалишенныхъ; для рожденнаго преступника — изолированіе отъ человѣческаго общества; для преступника по пріобрѣтенной привычкѣ — сначала общественная гигіена, а затѣмъ временное удаленіе отъ общества (работа въ земледѣльческихъ колоніяхъ); для случайнаго преступника — обязательное вознагражденіе за понесенные убытки деньгами или работой въ пользу государства или общинъ. Преступникъ, совершающій свое преступленіе въ порывѣ страсти, долженъ во многихъ случаяхъ пользоваться безнаказанностью, такъ какъ по словамъ *Романьози*, въ этомъ отношеніи никто изъ насъ не гарантированъ, что ему завтра не прійдется самому нарушить уголовный кодексъ. Эти слова Романьози, конечно, будутъ неточны, если ихъ отнести ко всѣмъ преступленіямъ, потому что никто изъ насъ не совершитъ завтра убійства съ цѣлью ограбленія или матереубійства съ изнасилованіемъ, для каковыхъ преступленій требуется унаслѣдованная ненормальная конституція; но каждый изъ насъ можетъ совершить преступленіе, можетъ убить кого нибудь въ порывѣ бурной страсти, и тогда преступленіе

можетъ остаться безнаказаннымъ, какъ это часто и дѣлаетъ здравый смыслъ присяжныхъ засѣдателей, выносящихъ такимъ преступникамъ оправдательный приговоръ.

Но, спросятъ меня, по какой причинѣ обществу слѣдовало бы не наказывать, а защищаться различными предохранительными мѣрами отъ всѣхъ этихъ различныхъ категорій преступниковъ? По моему мнѣнію, общество должно это дѣлать изъ чувства самосохраненія. Наказаніе или, лучше сказать, принятіе мѣръ общественной защиты есть форма защитительной реакціи противъ поступка, нарушающаго порядокъ въ данный моментъ. Эта защитительная реакція не есть явленіе исключительно юридическаго свойства, а общее явленіе жизни. Уже въ другомъ ряду явленій вы имѣете тотъ видъ естественной отвѣтственности, который гораздо неумолимѣе уголовнаго кодекса; природа, на видъ столь нѣмая, осуждаетъ и наказываетъ того, кто нарушаетъ ея законы, и обжора, нарушающій законы гигіены и физіологіи, осуждается на плохое пищевареніе и катарръ желудка. Вамъ эти вещи могутъ показаться забавными, но если вы хорошенько объ этомъ подумаете, то убѣдитесь, что это въ дѣйствительности ничто иное какъ реакція природы противъ тѣхъ, кто переступаетъ указанные ему законы; подобно тому какъ человѣкъ, слишкомъ перегнувшійся черезъ перила, падаетъ и умираетъ, вслѣдствіе того что нарушилъ законы тяготѣнія. Въ той же общественной жизни вы имѣете безграничный рядъ подобныхъ примѣровъ реакціи противъ каждаго отдѣльнаго поступка даже помимо гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Каждая личность, дѣйствующая въ извѣстной общественной средѣ, встрѣчаетъ въ этой средѣ реакцію, аналогичную совершаемымъ ею поступкамъ, не потому чтобы ей принадлежала личная заслуга или вина, а потому что среда относится

хорошо къ тому, кто ей дѣлаетъ добро, и строго къ тому, кто ей причиняетъ зло. Скажите, какая личная заслуга принадлежитъ человѣку, родившемуся съ симпатичнымъ лицомъ, которому все улыбается, который съ наслажденіемъ вкушаетъ радости жизни? и чѣмъ виновенъ человѣкъ, родившійся съ антипатичнымъ лицомъ, создающій вокругъ себя какую то отталкивающую атмосферу, лишающую его всѣхъ прелестей соціальной жизни? Но общественная среда реагируетъ такъ или иначе, смотря по тому, споспѣшествуетъ ли данный поступокъ сохраненію ея жизнеспособности, или же напротивъ препятствуетъ ему. Если какой нибудь индивидуумъ нарушаетъ условія общественной жизнеспособности въ нравственной или органической области, то общество отвѣчаетъ на подобное нарушеніе тѣмъ, что удаляетъ этого индивидуума изъ своей среды.

То, что случается въ физической и общественной области, повторяется и въ области юридической и, главнымъ образомъ, въ уголовной. Когда общество—я не скажу *наказываетъ*, потому что это устарѣлое слово, соотвѣтсвующее устарѣлымъ понятіямъ—когда общество защищается безъ злобы и безъ ненависти отъ преступника, то оно лишь повинуется той естественной необходимости самосохраненія, по которой оно платитъ добромъ благодѣтелю и строго относится къ лицу, совершившему преступленіе—не по собственной винѣ, а по винѣ различныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, отвѣтственность индивидуума за каждый свой поступокъ не есть отвѣтственность нравственная, зависящая отъ заслуги или вины индивидуума, но это лишь общественная отвѣтственность, не въ смыслѣ отвѣтственности общества по отношенію къ индивидууму, какъ это плохо истолковано было нѣкоторыми нашими критиками, а въ смыслѣ отвѣтственности индивидуума предъ обществомъ. Каждый

индивидуумъ встрѣчаетъ въ общественной средѣ, какъ впрочемъ и каждый организмъ въ природной средѣ, — реакцію на каждый свой поступокъ, и эта реакція бываетъ различной по интесивности и по качеству, смотря по характеру его поступковъ, т. е. смотря по тому, благопріятны ли они или противны условіямъ общественнаго существованія. Вслѣдствіе этого, если индивидуумъ проявляетъ честную и благородную дѣятельность, то послѣдней дается полная возможность развиваться; если же онъ проявляетъ вредную, преступную дѣятельность, то онъ встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны общества и закона, лишающее его физической свободы повторить это нападеніе на общественный организмъ.

Слѣдовательно, и общество и человѣческій оргазнизмъ, подобно остальнымъ живымъ организмамъ, подчиняются закону самосохраненія; они процвѣтаютъ подъ вліяніемъ благопріятныхъ элементовъ и расшатываются при неблагопріятныхъ условіяхъ, и задача объ отвѣтственности такимъ образомъ опредѣляется этимъ взаимодѣйствіемъ между индивидуумомъ и окружающей его средой. И защита общественной организаціи противъ индивидуума есть ничто иное, какъ форма и результатъ естественной необходимости самосохраненія. И это, по моему мнѣнію, самая общая причина, потому что если вы у любого разумнаго человѣка спросите, почему общество караетъ преступниковъ, то онъ отвѣтитъ вамъ: «изъ чувства самосохраненія, ибо преступникъ всегда опасенъ для общества»...

Но я начинаю замѣчать, что ужь слишкомъ злоупотребилъ сегодня вашимъ терпѣніемъ; да я и самъ немного усталъ, а потому мнѣ трудно подробнѣе развить здѣсь идеи, заключающіяся въ этой страшной задачѣ объ отвѣтствен-

ности — центральномъ ядрѣ, вокругъ котораго развивается новая теорія позитивной школы.

Въ то время какъ у классической школы все концентировалось въ карательной функціи, у позитивной школы защита общества отъ преступленій очень мало полагается на эту карательную функцію, потому что позитивная школа теоритически и практически настаиваетъ на томъ, что, подобно тому какъ въ практической жизни гигіена гораздо плодотворнѣе медицины, являющейся на помощь, когда болѣзнь уже проявилась, — и въ общественномъ организмѣ болѣзненныя явленія преступности гораздо лучше устраняются предохранительными мѣрами общественной гигіены, чѣмъ системой наказаній, которая приходитъ на помощь, когда преступленіе уже совершилось, и мечъ опускается, не избавляя отъ недуга.

Вы видите, что позитивная школа въ дѣлѣ борьбы съ преступностью отдаетъ предпочтеніе предохранительнымъ мѣрамъ и общественной гигіенѣ предъ системой наказаній. Необходимо, главнымъ образомъ, приспособить различныя формы общественной защиты къ различнымъ категоріямъ преступниковъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы по этому поводу заявить, что позитивная школа не питаетъ никакой симпатіи къ одиночному тюремному заключенію. Если изолировать преступниковъ, такъ въ колоніяхъ, гдѣ они могли бы работать на открытомъ воздухѣ, потому что воздухъ и свѣтъ, служа источникомъ физическаго здоровья, доставляютъ также нравственное здоровье.

А теперь, разставаясь съ вами, позвольте мнѣ увѣрить васъ, что я навсегда сохраню самое свѣтлое воспоминаніе о минутахъ, проведенныхъ съ вами въ залахъ этого дорогого нашему сердцу университета.

[illegible] после [illegible] правда.

Въ [illegible] время [illegible] [illegible] не избавляли отъ недуга.

Вы видите, что позитивная школа въ дѣлѣ борьбы съ преступностью [illegible] мѣрамъ и общественной гигiенѣ предъ [illegible] наказанiя. Преступникъ [illegible] образомъ, [illegible] различныя формы общественной защиты къ различнымъ категорiямъ преступниковъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы [illegible] замѣтить, что [illegible] школа [illegible] [illegible] здоровья, [illegible] также нравственное здоровье.

А теперь, разставаясь съ вами, позвольте мнѣ увѣрить васъ, что я навсегда сохраню самое [illegible] воспоминанiе [illegible].

